

Валерий Сендеров

Консервативная революция в послесоветском изводе: краткий очерк основных идей*

Постановка задачи

Термином «консервативная революция» объединяют многое: от политики Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер до мыслительных направлений в Индии и событий в Японии. Идет ли в такой ситуации речь лишь о чисто терминологическом, лишенном сущностных черт родстве? Нет, это не так: общие сущностные черты есть, и их довольно выпукло характеризует сам выразительный и емкий *термин* (вопрос о нем мы подробнее рассмотрим ниже). Однако рассмотрение всемирного явления во всей его общности вынуждено, как правило, ограничиваться констатацией самых общих его характеристик; попытка заглянуть в глубинные пласты неизбежно связана с сужением темы.

Главный предмет нашего интереса — течение, называющее себя «консервативной революцией» в сегодняшней России. Существующее уже около двух десятилетий, это течение долго ассоциировалось, в основном, с именем одиозного «неоевразийца» Александра Дугина; в последние несколько лет это положение существенно изменилось. Стало ли «консервативное революционерство» за долгий период предметом сколько-нибудь серьезного изучения? Есть объективные данные, позволяющие ответить на этот вопрос: примечания к статье немецкого ученого А. Умланд¹ содержат, в частности, обширный — во многих отношениях близкий к исчерпывающему — список публикаций по тематике консервативной революции. Среди нескольких сотен наименований есть и список «аналитических русскоязычных публикаций по русской «новой правой»». Этот список, составленный из работ 1995-2004 годов, содержит 8 наименований.

Конечно, не всякое явление непременно должно стать объектом тщательного и пристального изучения: постсоветскую «консервативную революцию» затруднительно было бы поставить в какой-либо духовно или интеллектуально значимый ряд. Но есть и другая точка отсчета: какое место занимает явление в сегодняшнем раскладе общественно-политических сил? И сколь это явление перспективно

---

* Ранее опубл. в «Вопросах философии» (2007. № 10).

¹ Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. 2006. №2. С.116-126.

на будущее? Схематический ответ на первый вопрос дается исторической параллелью: российские «новые правые» считают себя наследниками немецкой консервативной революции 1920-х годов, последняя же сыграла немалую роль в формировании идеологии Третьего рейха. Конечно, претензии на «наследство» в значительной мере просто самореклама, попытка «респектабелизации» течения: среди немецких консерваторов 1920-х, при всех условиях, несколько всемирно значимых имен. Второй тезис тоже является, в значительной мере, упрощенным до вульгаризации клише (подробнее оба вопроса мы разбирали в²). Однако определенный смысл в обоих тезисах все-таки есть, и полностью отмахиваться от возможной угрозы было бы, во всяком случае, неверно. На первое место выходит, таким образом, именно вопрос о *перспективности* постсоветской «консервативной революции»: что перед нами? маргинальная группа авторов, схематически верные суждения о которых попросту несодержательны? Или явление действительно серьезно?

Под *консервативными революционерами* мы будем понимать, прежде всего, большую группу публицистов и общественных деятелей, объединяющихся вокруг периодического издания под названием «Стратегический журнал». Этой группой течение далеко не исчерпывается: особняком стоит фигура чрезвычайно плодовитого Дугина; различные по основному составу, но чрезвычайно близкие по исповедуемым идеям группы объединялись, например, газетой «Консерватор» и журналом «Главная тема». Эти издания перестали выходить, и ныне их авторы активно пропагандируют свои идеи во влиятельных изданиях, так сказать, общего профиля. Самый краткий обзор хотя бы наиболее значительных книжных и журнальных публикаций названных и иных близких к ним групп давно уже стал нереальной задачей; перечислим вместо этого некоторые *глобальные направления* деятельности «консервативных революционеров». Для пропагандистских целей они интенсивно используют различные СМИ, в частности, массовые, начиная от электронных: телевидение, радиоканалы, Интернет. Не меньшим их вниманием пользуются «высоколобые» органы печати: так, «революционерам» нередко предоставляют слово «Известия» и «Литературная газета» (при этом «Известия» несколько дистанцируются от этих авторов, иногда помещая их статьи в рубрике «Точка зрения»). Консервативные революционеры пишут и издают книги, их выпуск сопровождается оживлённой кампанией в СМИ, что может способствовать достижению высокого КПД даже в сегодняшних «некнижных» условиях.

Среди этих книг есть и заслуживающие особого разговора, например, учебники по истории России. Главная тема «революционеров» - *изоляция как универсальный путь и рецепт* – пропагандируется в этих учебниках с неуклонной навязчивостью: идеалу «Третьего Рима» (о роли в неоиоляционистских концеп-

---

² Сендеров В. Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. №1. С.117-151.

циях этого идейного фантома см., например, ^{3 4}) противопоставляется вся реальная история Российской Империи. Двойственно относясь к преобразованиям Петра, авторы одобряют направленность его деятельности преимущественно на протестантские страны. Аргументация: протестанты – в отличие от католиков – столь далеки от нас духовно и культурно, что не могли оказать вредного воздействия на цельную православную натуру россиян. Таким образом, перед нами – в предельно упрощённом виде – концепция славянофилов: «тогда это было, с большими оговорками, нужно, а сегодня – в XIX веке – уже вредно». И «неоконсерваторы» клеймят как предательскую всю линию внутреннего и внешнего имперского развития позапрошлого века, начиная с образования Священного Союза. Идеалом в итоге естественно становится предпоследнее царствование (причины, по которым идеал рухнул, остаются при этом загадочными).

К этому выглядящему почти исчерпывающе списку пропагандистских направлений необходимо сделать нестандартное дополнение. «Революционеры» проявляют пристальный интерес к массовым жанрам, таким как научная фантастика и детектив: воздействие произведений этих жанров, в которые нередко оказываются вложены общественно-политические идеи, в перспективе огромно (в качестве иллюстрации этого интереса см., например, ^{5 6 7}).

«Массовый читатель никогда не будет интересоваться аналитическими версиями истории. Он готов воспринимать только адаптированные к его пониманию версии <...> а посему, как я думаю, жанр «фольк-истории» надо не осуждать, а активно использовать в своих целях. Та версия русской истории, которой мы придерживаемся, должна быть интересна обывателю <...> Иначе у неё не будет никаких шансов». – Так пишет один из активных авторов течения.⁸

Таким образом, перед нами продуманная и рассчитанная политика – «правое грамшианство»: политической победе должно предшествовать культурное завоевание масс (по поводу этой тактики см., например, ^{9 10}). Здесь уже обращает на себя внимание первая важная черта *несходства* российской «консервативной революции» с её немецким прообразом. Немецкие консерваторы подчёркнуто чужались «массовой» деятельности; поэтому непосредственного воздействия на подготовку и ход гитлеровской революции они оказать и не могли, опосредованное же навсегда осталось в области гипотез и спорных умозаключений. Постсоветские же «левые консерваторы» (термин одного из ведущих авторов течения

³ Зибницкий Э. Наследие славянофилов и современная Россия // Знамя. 2005. №10.

⁴ Ульянов Н. Комплекс Филофея // Посев. 2006. №2-3.

⁵ Цымбурский В. О «русском викторианстве» // Стратегический журнал. 2006. №2. С.255-272.

⁶ Володихин Д. Война сценариев // Стратегический журнал. 2006. №2. С.275-284.

⁷ Ремизов М. Расширение политических сфер // Политический журнал. 2006. №20. 5 июня.

⁸ Нифонтов В. Между пафосом и анекдотом // Правая.ru. 2006. 16 июня <<http://pravaya.ru>>.

⁹ Умланд А. «Консервативная революция». С. 116.

¹⁰ Fascism / Ed. R.Griffin. Oxford, 1995. P.348.

Михаила Ремизова) не только интенсивно используют революционную идеологию и фразеологию – но и разрабатывают *методологию* массовой работы.

Прервём на этом описание направлений деятельности (именующих себя подчас «новыми левыми») «новых правых»: необходимость изучения явления оно, на наш взгляд, достаточно мотивирует, тема же нашей статьи определена её подзаголовком.

Вторым объектом нашего рассмотрения станет — в рамках, определяемых нашей основной темой, — немецкая консервативная революция 1920-х годов. По причинам, которые станут ясны из дальнейшего, рассмотрение постсоветского феномена удобно и эффективно проводить именно на ее фоне. При этом итогом сравнения, как мы уже видели выше, может оказаться отнюдь не только *сходство* изучаемых двух явлений.

И наконец, о третьем объекте рассмотрений статьи — о течении в консервативной революции, характеризуемом такими именами как Юлиус Эвола, Клаудио Мутти, Рене Генон. По причинам скорее историческим, нежели идейным, это направление нередко рассматривают одновременно с классическим немецким феноменом — как бы в качестве некоторой разновидности его. Между тем, по ряду важных для нашей темы параметров, это течение необходимо рассматривать как «особую точку» (в общем контексте консервативной революции специфичны и уникальны как религиозный смысл, так и порождаемая им подлинная *революционность* этого направления). За неимением устоявшегося термина мы будем именовать направление *космической революцией* (смысл такого наименования прояснится ниже). Уточним напоследок — для окончательной ясности — что наш интерес к «космической революции», также как и к немецкой, диктуется современной российской тематикой.

Консерватизм или революционность?

При изучении явления консервативной революции исследователи много внимания уделяют самому обозначающему термину; вопросу о нем посвящаются специальные статьи (см., например, ¹¹). Исходя из очевидной логической противоречивости двусоставного образования, авторы приходят подчас к далеко идущим выводам. «Вычеркнуть «консервативную революцию» из списка политических течений XX века»¹², — в предельном варианте эти выводы звучат даже так. Резонность таких выводов — парадоксальных, но вполне логичных — полностью

---

¹¹ Умланд А. «Консервативная революция».

¹² Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993. P.181.

определяется постановкой задачи: она может состоять, разумеется, в фильтрации окружающего нас мира, в отборе явлений по признаку их соответствия тем или иным строгим формально-логическим схемам. Заметим, однако, что такого «математизированного» подхода не придерживается ни одна естественная наука — просто потому, что, сообщив этой науке не свойственную ей степень логичности, он одновременно резко сузил бы поле ее применений: кроме критерия логичности, есть ведь еще и критерий *продуктивности* исследовательской методологии. Чисто логическому анализу поддается лишь малый процент окружающих явлений — хотим мы этого или нет.

Повышенный интерес к термину «консервативная революция» имеет, впрочем, и безусловно серьезные основания. Мы уже упоминали о них выше: термин, значительными немецкими литераторами введенный в культурный и политический оборот, фиксирует обозначаемое им явление выпукло и ярко. Мы имеем, по сути, три базовых определения консервативной революции.

Ещё в 1921 году термин употребил в печати – по-видимому, первым – Томас Манн, в ту пору убеждённый немецкий почвенник¹³. Однако в культурный и политический лексикон оборот «консервативная революция» вошёл позднее – после произнесённой в 1927 году Гуго фон Гофмансталем речи «Литература как духовное пространство нации». «Процесс, о котором я веду речь, есть не что иное, как консервативная революция, имеющая размах, невиданный до сих пор в европейской истории...» (цит. по ¹⁴). В этом эмоциональном выступлении было, по-видимому, высказано нечто, совпавшее с внутренним настроением младоконсерваторов – завтрашних консервативных революционеров. Так, термин активно подхватил один из ведущих консервативных публицистов тех лет Эдгар Юлиус Юнг (позднее, в 1934 году, расстрелянный Гитлером). Наконец, понятие консервативной революции было сформулировано – уже постфактум, по следам давно завершившихся событий и отошедших идей – швейцарским историком Армином Молером¹⁵. Вот как характеризует консервативную революцию исследователь движения (в прошлом его участник). «Это понятие обозначает объемлющий всю Европу процесс <...> начало которого, скорее всего, совпадает с Французской революцией. Ибо любая революция рождает из самой себя ответную силу, противоположащую ей. Вместе с Французской революцией побеждает тот мир, в котором «консервативная революция» видит своего врага и который предварительно можно описать как мир, движимый верой в постепенный прогресс, считающий все вещи, отношения и события доступными рассудочному пониманию и стремящийся изолировать и постичь любой предмет в его отдельности от других. [Кон-

¹³ Манн Т. Русская антология // В мире книг. 1975. №6. С.73.

¹⁴ Гофмансталь Г. фон. Литература как духовное пространство нации. Цит. по: Михайловский А. Поэт возвращения. Предисловие // Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 17.

¹⁵ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Grundriß ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950.

сервативная революция] охватывает имеющие общий фундамент изменения во всех областях жизни, уже происшедшие или только начинающиеся – изменения в теологии и в физике, в музыке и в градостроительстве ...»

Развёрнутое определение Молера индуцирует несколько неожиданный вопрос: а чем, собственно, отличается *консервативная революция* от классического *последовательного консерватизма*? Конечно, важная составная часть консервативно-революционного мироощущения – уловленный и выраженный поэтом Гофмансталем, но не поддающийся описанию в рациональных терминах *настрой*. С другой стороны, в послевоенные годы было психологически естественным подчеркнутое дистанцирование от всего, что так или иначе могло ассоциироваться с нацистской революцией. Но дело отнюдь не только в этом.

Консерватизм или революция? – этот вопрос встал перед немецкими младоконсерваторами задолго до написания книги Молера. И они ответили достаточно ясно: Шпенглер не принял нацизм на корню, остальные ведущие участники движения постепенно дистанцировались от гитлеровского социализма на протяжении 1930-х годов (к немногим значительным исключениям принадлежит – Карл Шмитт). Конечно, нетрудно «доказать» (и это нередко делают) и обратное – путём подбора цитат: размежевание растянулось на годы. Но факты говорят за себя. На одной чаше весов – Карл Шмитт да ушедший с административного ректорского поста, но так и не вышедший из НСДАП Хайдеггер. На другой – запрещённый Геббельсом к упоминанию в печати¹⁶ Шпенглер; автор антинацистской, изымавшейся Гестапо на обысках книги «На мраморных утёсах» Эрнст Юнгер; расстрелянный Юнг; дождавшийся разгрома Рейха в тюрьме Отмар Шпанн и Эрнст Никиш ... Есть и выразительные оценки самими революционерами своих несостоявшихся союзников: так, Гитлер клеймил в них именно *консерватизм* (а также «недооценку расового момента»)¹⁷. В общем, претензии к термину «консервативная революция» во многом справедливы: описываемая им реальность исторически неустойчива, и рано или поздно приходится выбирать.

Свой выбор давно сделали и постсоветские консервативные революционеры. «Приветствовать в революционном разрушении возможность нового созидания» призывает в программной статье¹⁸ ведущий публицист движения Михаил Ремизов. ««Рыцари невозможного»»; ««Реалисты», или консерватизм статус-кво»; ««Циники», или радикальные реалисты» ... Таковы ироничные названия разделов статьи: автор-классификатор «типологирует» консерваторов – попросту говоря, рисует злые карикатуры на них. Даже на последовательных радикалов, «циников»: перед нами всё ещё не «люди действия». Наконец, последний раздел озаглавлен ««Экстремисты»».

¹⁶ См. Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С.112.

¹⁷ См. Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу.

¹⁸ Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. №5-6.

«Подлинным мифическим прототипом консервативного истолкования революции можно считать метафизический эпос Гераклита о мирах, сменяющих друг друга в фазах «возгорающегося» огня <...> «Создание из ничего» - попытка писать из головы и с листа <...> Историзм снимается в пользу активизма «над-исторической» точки зрения <...> вот экстремальный жест, вводящий консерватора в поле классически понятого фашизма <...> история пойдёт туда, куда ей прикажут, а миры творятся из ничего – в этом апофеозе *субъекта* фашизм становится идеологией свободы в самом предельном и антилиберальном смысле слова».

Таково мировоззрение консерватора истинного, высшего типа. Выбор между консерватизмом и революцией, таким образом, сделан – чёткий и однозначный. И детальное изучение постсоветской консервативной революции лишь уточняет и углубляет этот вывод. Так, революционная ориентированность направления носит постоянный, неизменный характер. Для участников этого правого по своим основным чертам движения всё более характерно использование левацких подходов, лозунгов и авторитетов. Это типичная для всякого правореволюционного мировоззрения смесь; но обращают на себя внимание и более тонкие эффекты, связаны они с *выбором, акцентированием* используемых текстов. Крупные мыслители всегда эволюционируют, и различные периоды их творчества во многом несхожи. Но познакомившись с публицистикой сегодняшней консервативной революции, можно, в общем-то, наперёд знать, *что именно* привлекает её в творчестве того или иного автора, на которого она опирается. Если это Жорж Сорель – то не поздний Сорель, призывавший, подобно русским веховцам¹⁹, «от Декарта обратиться к Паскалю»: внимание рассматриваемых нами публицистов сосредоточено на мифе анархо-синдикализма, на идеологии «прямого действия». Говорится ли о Карле Шмитте – значит, муссируются самые крайние его выводы, такие как определение суверенитета как «свободы принимать решение о враге» (см., например,²⁰). Зайдёт ли речь о столь многозначном мыслителе как Фридрих Ницше – предмет пристального интереса становится, почти исключительно, «Воля к власти»: эта посмертная компиляция действительно сыграла в Германии выдающуюся революционную роль. Поэтому, говоря о списке используемых изучаемыми нами авторами мировых имён, необходимо иметь в виду: каждое из них берётся революционерами в крайних, экстремальных точках своего мировоззрения.

В классической версии консервативной революции подобная пассионарность аналога не имеет: «революционность» немецких консерваторов была отражающим многие черты их мировоззрения, но всё же *литературным* образом и ходом. Объяснение её кроется в культивируемом неоконсерваторами параравославном эсхатологизме: подменяющая собой полноту христианского мироощущения *эсхатологическая паника*, проецируясь на социальную плоскость, даёт разрушитель-

¹⁹ Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. 1988. С.224.

²⁰ Ремизов М. <<http://www.russ.ru/authors/remizov.html>>.

ный революционный эффект. Эта картина хорошо знакома России по опыту 1917 года, она многократно и глубоко анализировалась русскими мыслителями.

В последние годы тенденция нарастает: «новые правые» уже прямо говорят о грядущей «национал-консервативной революции». Начинается, таким образом, заигрывание со зловещим как фашизм, феноменом – любое сходство с которым ещё недавно было принято решительно отрицать. Подчеркнём также, что в нашей статье речь идёт в основном о круге близких к «Стратегическому журналу» авторов – они представляют собой наиболее «плотный» и в то же время достаточно умеренный слой движения. У некоторых других, в том числе у Александра Дугина – ни в известности, ни во влиятельности в различных кругах этому автору не откажешь – революционные, в том числе пронацистские тенденции бывают выражены значительно более ярко.

Ради чего же это всё? Какова политическая идеология надвигающейся, по мнению неоконсерваторов, национальной революции?

Политическая идеология (Текст. Исток. Ударения)

Для ответа нам опять полезно обратиться для начала к идеологии немецкого младоконсерватизма, она весьма представительно изложена в статье О. Шпенглера «Пруссизм и социализм»²¹: наименее специфическая, «шпенглеровская» из работ культурфилософа, эта ёмкая брошюра является в то же время манифестом консервативной революции, содержит в концентрированном виде все основные её идеи.

«Мировая война на закате западной культуры – это великий спор двух германских идей, которые, как все истинные идеи, не высказывались, а переживались... По своему корню прусский народ ближе всего родственен английскому... Но из духа викингов и монашеских орденов немецкого рыцарства медленно развились две прямо противоположные нравственные заповеди. Одни несли в себе германскую идею, другие чувствовали её как что-то сверхличное: *личная независимость и сверхличная общность*. Ныне их называют индивидуализмом и социализмом... Быть свободным и служить – нет ничего труднее того и другого, и народы, дух и бытие которых основаны на одном из этих свойств, достойны великой судьбы. Служба – это проявление старопрусского духа... Не каждый стоит за себя, а все за всех... Дух пиратов уже в позднее время увлёк в американские преири всех, в чьих жилах текла ещё кровь викингов; это было позднейшим продолжением путешествия времён Эдды... Так сложились английский и прусский ти-

---

²¹ Шпенглер О. Пруссизм и социализм // Пессимизм? М., 2003.

пы, различие между народом, который развивался, чувствуя себя островитянином, и другим, который вынужден был беспрестанно охранять свою территорию, со всех сторон открытую для врагов. В Англии остров заменил собой государственную организацию... Английский народ создан сам, прусский же – создание Гогенцоллернов...» И этим противостоянием определяется *всё*. «В Англии либерал – цельная натура, свободная этически, а потому и в делах. Он вполне сознаёт эту связь... Мы же, немцы, так созданы, что не можем быть англичанами, а лишь карикатурами англичан... А потому в Германии либерализм вызывает только презрение... Без внутреннего воспитания, без глубины живого бытия, без малейшего понятия о напряжённой активности и уверенности в своих целях английского либерализма – этот либерализм всегда лежал лишь камнем на нашем пути». Различны – английское и немецкое понятия *свободы*. «Частное лицо – это понятие обозначает сумму этических свойств, которым, как всему ценному в этическом отношении, нельзя научиться; они в крови, и в целом ряде поколений они медленно совершенствуются. Английская политика – это политика частных лиц и групповых соединений таких лиц. Именно это и ничто другое обозначает термин «парламентское представительство». Немецкий же либерал в своём нравственном ничтожестве только отрицает государство, не имея способности оправдать своё отрицание... Только Англия обладает тем, что можно назвать культурой общества... Такого же немецкого общества не существует и не может существовать. Сообщество из «Я» без пафоса сильного, однородного чувства жизни всегда немногочисленно... У нас прежде всего домогаются клочка частной правовой свободы, гарантированной законом независимости, и эти требования предъявляются как раз в такой момент, когда Джон Буль, повинувшись верному инстинкту, повременил бы с ними». Но неспособный к индивидуальной свободе немец обладает иной, высшего порядка свободой. «В небольших кружках царил истинный дух единения; вся жизнь признавалась служением; этот жалкий обрывок земного существования в юдоли печали приобретал смысл только в связи с более высокой задачей. Здесь, в Пруссии, рос новый человек, духовно сильный носитель новой религиозности. Глубокое презрение к одному лишь богатству, к роскоши, к удобству, к «счастью»... Никогда не поймёт англичанин и весь свет не понимает, что с прусским духом связана глубокая внутренняя независимость. Система социальных обязанностей обеспечивает человеку с широким кругозором суверенитет его внутреннего мира, который несоединим с системой социальных прав, воплощающей индивидуалистический идеал ...»

Немецкий либерализм взял как цель из единства английской сущности одну лишь идею чисто хозяйственной диктатуры частного богатства без её нравственного содержания. Он требует чистого парламентаризма не потому, что он стремится к свободному государству, а потому, что он не хочет иметь никакого государства и знает так же хорошо, как Англия, что предрасположенный к социализму народ, переодетый в чужое платье, - теряет дееспособность».

Политическая идеология сегодняшнего российского консерватизма – простое повторение, в некомпактной и разжиженной форме, шпенглеровских тезисов. Англия в этих повторах заменяется, понимается, Соединёнными Штатами, Германия – Россией, немецкая народная общность – нашей исконной соборностью. Добавляются современные мотивы, например, специфические рассуждения о модерне и постмодерне (см., например,²²). Рассмотрение их невозможно в рамках настоящей статьи; но в нём нет и необходимости, т. к. коренной сути концепции они не затрагивают и не меняют. Можно ли на этом основании говорить о совпадении двух позиций? Кажется, что так, и что неизбежные отличия в ударениях и акцентах – явление второго порядка. И в случае *чисто* политического движения это действительно было бы так. Но консервативная революция – уникальное, *литературно*-политическое мыслительное направление. Рассмотрение его в рациональной проекции подчас не объясняет главного – именно это и ставит подчас исследователей-учёных в тупик, вынуждает их порой сомневаться даже в самом бытии явления (см., например,²³). Для консервативной революции понятие – лишь «мёртвый кристалл мысли, *слово* – её живой цветок»²⁴. Перед нами не доказательная аргументация, скорее магический гипноз состояний и слов, «условная сигнализация в душу читателя, сообщение ему своих знаний о жизни, познании и мире»²⁵ (так характеризовал подобное мышление блестящий знаток немецкой культурфилософии Фёдор Степун). Ясно, что в такой ситуации особое значение приобретает диктующий стиль и смыслы посылаемых «сигналов» *метаполитический* уровень, глубинные истоки политической идеологии. В немецком случае эту роль играют книги Ницше и шпенглеровский «Закат Европы», выход в 1918 году первого издания этого труда немецкие исследователи рассматривают как исходный пункт консервативной революции (см., например,²⁶). И *всевропейская* направленность базовой книги определила и многие конкретные оценки политического «слоя» идеологии.

Итак – об акцентах и оттенках. Немецкий и *английский* народы достойны различной, но великой судьбы (см. текст выше). «Тори и виги – прежде всего джентльмены, члены одного и того же избранного общества с его достойным удивления единством жизненного уклада... Британский парламентаризм был старой, зрелой, благородной, бесконечно утончённой формой; чтобы владеть ею в совершенстве, необходим был весь такт английского джентльмена...» Смотрим далее: *Испания* по духу оказывается старшей родственницей Германии. «Вена – создание испанского духа... Бисмарк был последним государственным деятелем ис-

---

²² Доклад Института национальной стратегии «Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации» // Стратегический журнал. 2006. №2.

²³ Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. P. 181.

²⁴ Степун Ф. Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.

²⁵ Там же.

²⁶ Pfahl-Traugher A. Konservative Revolution und Neue Rechte: Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen, 1998.

панского склада». Далее: «с упадком *Франции* гибнет западная культура... Существует только французская культура...» И вряд ли стоит останавливаться на хорошо известном: на интересе и уважении младоконсерваторов к истории и культуре России. Подчеркнём, что речь идёт не о специфических взглядах одного-двух авторов: как мы уже отмечали выше, именно «расовые расхождения» между неоконсерваторами и революционерами стали одними из решающих, определили их взаимную отчуждённость.

Философским подслоем постсоветской консервативной политической идеологии стал ультраизоляционистский «третьеримский» фантом. С трудом укладывается в голову, что эта база – несколько вырванных из контекста строк из двух посланий, приписываемых Филофею, иноку дальнего запсковского средневекового монастыря. Но эти строки давно обросли многостраничными теоретизированиями. Так, концепция Третьего Рима – это «не идея лидерства, а идея одиночества. Россия – «государство-мир». Поддержание суверенитета равнозначно здесь поддержанию границ мира, в котором он имеет значение.»²⁷ «Основы суверенитета России обусловлены её особым религиозным выбором – её осознанием себя Третьим Римом, последним православным царством...»²⁸

Какие же *конкретные* оценки окружающего мира диктуются сегодняшним консервативным революционерам изоляционистской идеологией «суперлидерства-одиночества»?

На этот вопрос помогает ответить статья Станислава Белковского, одного из признанных лидеров направления, основателя т.н. «Института национальной стратегии». Эта статья открывает «Политическое православие» — программный сборник группы; озаглавлена она «Смерть Последнего человека».

«Отчего он умер? – От рака желудка. Всю свою жизнь он питался только в прославленных им же McDonald's <...> Ещё он, кажется, пил ворованное пиво и туалетно морщился при мысли о далёкой сибирской водке <...> Он выгадывал жалкие прелести на курсе какой-то непонятной валюты. Он дышал провинциальным бензином из замороженных денег. А после пяти пополудни – загружался чизбургером с тexasской горчицей и отправлялся смотреть боевик <...> Был ли женат покойный? Да, на стосорокакилограммовой американке, обер-тамаде феминистской лиги. Она уже три года лечится от наркотического ожирения в клинике доктора Киссинджера ...»²⁹

Ясно, что «последний человек» - это символический американец. Сравнить его естественно не с гордым мореплавателем-англичанином, пиратом и индивидуалистом, противостоящим немцу в построениях консервативной революции 1920-х годов. Перед нами совсем иное – тиражирование образа «плутократа»,

²⁷ Ремизов М. Суверенная теократия // Стратегический журнал. 2006. №2.

²⁸ Межуев Б. От политического суверенитета — к религиозному // Стратегический журнал. 2006. №2.

²⁹ Белковский С. Смерть Последнего человека // Стратегический журнал. 2006. №2.

долженствующего вызвать омерзение массы. Подчеркнём, что от биологического расизма построения рассматриваемой группы свободны – вызывающие очевидные ассоциации образы порождаются её *идеологическим* настроем. И в четырёхсотстраничном «Политическом православии», и в остальных известных нам работах участников движения единственным критерием политической истины является антиамериканизм.³⁰ Не всегда ясно, о защите *каких* – в чём именно состоящих – российских национальных интересов у этих публицистов идёт речь. Зато *от кого* – сомнений не вызывает. И вопрос «с кем» решается просто: с кем угодно, сообразно лишь единственному определяющему критерию (об отношении неоконсерваторов к исламизму мы будем говорить ниже). «Борьба двух великих европейских культур» заместила в этом мировоззрении образом пожирателя гамбургеров, покушающегося на наш святой Третий Рим.

Есть ли хоть что-либо в западном мире, вызывающее симпатии наших авторов? Есть ли у них свои, в переводе на язык немецкого младоконсерватизма, «Франции» и «Испании»?

«Необходимейшим делом для России является создание благоприятных условий для привлечения католиков-традиционалистов в православие: именно православное вероучение позволит им <...> решить свои религиозные проблемы. При грамотной пропаганде преимуществ православия вполне возможен <...> приход в лоно нашей Церкви значительного числа католических общин ...»³¹

Традиционалистами автор именует не принявших решений Второго Ватиканского собора католиков-фундаменталистов: они, как видим, достойны перекрещивания в Православие. Этот странный пассаж вовсе не выглядит удовлетворительным ответом на наш вопрос. Но другого ответа просто не существует: логика суперизоляции диктует именно такое (в лучшем случае – такое) «принятие» европейской христианской культуры.

«Создание международной организации «Православная конференция» со своими политическими и экономическими структурами – вот каким должен быть ответ России на геополитические катастрофы последнего времени!»³²

И никаким иным! Мир в этой идеологии однозначно поляризован: Православие – добро, всё вне его – кромешное зло. Говорить в такой ситуации о каких-либо «положительных» «Франциях» и «Испаниях» бессмысленно. Перед нами качественно новая степень изоляционизма: самые жёсткие в церковном плане круги всегда сотрудничали в конкретных мирских делах (например, благотворительных и гуманитарных) с неправославными структурами. Сегодня же в оказанной

³⁰ Более общо, исторически – антиевропеизм. Но в сегодняшних условиях глобального охлаждения отношений Европы и США неоконсерваторы нередко готовы рассматривать «правильно мыслящих» европейцев как своих союзников.

³¹ Фролов К. «Богословие действия» против «богословия дезертирства» // Стратегический журнал. 2006. №2.

³² Там же.

Западом новой России на первом этапе её развития помощи «патриоты» видят лишь лукавство, идеологическую диверсию и шпионаж.

Отметим здесь один существенный для всего нашего изложения момент. Постсоветские идеологические феномены невозможно адекватно охарактеризовать в классических философско-политологических терминах: формальные характеристики будут меньше учитывать, нежели упускать. Рассмотрим для примера такие термины, как изоляционизм, фундаментализм, ультраконсерватизм. Правомерно ли применять их, скажем, к такому историческому деятелю, как К. Победоносцев? Ответ явно положителен. Но Победоносцев гордился тем, что русское правительство (игнорируя при этом собственное конфессиональное законодательство!) не препятствовало свободному переходу в *католичество* своих *православных* подданных.

Есть и ещё одна существенная причина, не позволяющая констатировать, без принципиальных оговорок, сходство мировоззрений российских неоконсерваторов и немецких консервативных революционеров 1920-х годов. Мысли последних невозможно повторять сегодня без учёта восьмидесятилетнего исторического опыта; а если это и делается, то уже сам такой факт является существенной мировоззренческой информацией о повторяющихся. Под историческим опытом мы имеем в виду два существенных, глобальных факта; случайно пройти мимо *любого* из них сегодня нельзя. Первый из них очевиден: опыт Третьего рейха. Второй же – опыт демократической, послевоенной Германии: её устройство *либеральным* (в узком значении этого понятия) не оказалось. Уже сам характеризующий это устройство термин «*социальное рыночное хозяйство*» был бы абсолютно неприменим к классическим либеральным странам, таким как Англия или США. В Конституции ФРГ в явном виде заложены такие принципы, как дирижирующая, дополняющая общественную свободу роль государства – также в противоречии с классической, основанной на подходе к государству лишь как к «ночному сторожу», либеральной схемой. Таким образом, *вся* (говоря формально) новейшая история Германии базировалась на учёте специфики менталитета и прошлого страны. Но гитлеровская модель абсолютизировала эту специфику, отрывала страну от современной Европы и делала её злейшим врагом. Послевоенная же вписывала Германию в демократический мир, будучи не антилиберальной, а как бы «параллельной» либеральной модели, коррелирующей с ней. Не случайно онтологические принципы послевоенного немецкого устройства базировались на христианской, преимущественно католической, интерпретации таких понятий, как «национальная общность», «исторический коллективизм» и т.п. Быть может, послевоенное немецкое «чудо» правомерно считать становлением *второго Запада*: число существенно различных моделей не так уж велико, и рядом с демократически-индивидуалистической выросла иная – демократически-коллективистская. Для медийного, чёрно-белого сознания этот процесс остаётся табуированным, скрытым. Однако о нём имеется огромная серьёзная литература, существу-

ют книги и статьи монографического характера и на русском языке (см., например, ^{33 34 35}).

Как относятся российские неоконсерваторы к этим опытам реализации повторяемых ими коллективистских, «соборных», социалистических схем? Их отношение к нацизму различно. Александр Дугин и его соратники любят порассуждать об ошибках (!) гитлеризма³⁶. Егор Холмогоров, публицист более интересующей нас в настоящей статье группы неоконсерваторов, пишет более категорично: «в Германии из всех вариантов национального социализма реализовался в итоге самый худший»³⁷. Разница очевидна, вывод же в обоих случаях, вроде бы, одинаков: «Надо – не так».

А как же «надо»? Послевоенная католическая социальная концепция не может, кажется, не привлечь хоть какого-то внимания наших авторов. Однако не привлекает. Почему? «В Германии из всех вариантов национального социализма реализовался в итоге самый худший, в России большевизм сближался с почвой столь медленно, что в итоге был сдут либеральными ветрами меньше чем за пятилетку. Эти неудачи говорят не в пользу социализма, но всё-таки «либеральный консерватизм» был и остаётся маргинальным направлением, в то время как консервативный социализм – идея важная и значительная». Таков полный текст цитированного нами пассажа из статьи Е. Холмогорова; и он объясняет многое. Главным врагом, всегда и безусловно, выступает, с точки зрения всех публицистов группы, либерализм. Вот и сталинский социализм именно по его вине недотянул до истинного, почвенного состояния. При таком подходе вполне логично, что более радикальные чем Холмогоров авторы демонстрируют всё более примирительное отношение также и к национал-социализму.

В мировоззрении 1920-х годов либерализм выступал негативной составляющей *двойственности*: он противостоял позитиву – немецкому коллективизму. Но сильная и процветающая Германия реализовалась не на антилиберальной основе – и это положение вещей было принято и одобрено Эрнстом Юнгером и другими пережившими войну младоконсерваторами³⁸. У сегодняшних же неоконсерваторов непримиримый антилиберализм – *основа* идеологии, сочетаемость с либерализмом чего-либо позитивного отрицается ими на корню. И поэтому всё более заметная в последние годы эволюция консервативных революционеров в направлении национал-радикализма определена не только обстановкой в стране, но прежде всего самой их идеологией: для *нетоталитарного* коллективизма в ней органически нет места.

³³ Нелль-Брейнинг О. фон. Построение общества. Сидней, 1987.

³⁴ Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996.

³⁵ Портрет солидаризма. Сб. статей. М., 2007.

³⁶ Элементы. 1992. №1. С.53; Элементы. 1993. №3. С.21; Элементы. 1994. №5. С.29; Элементы. 1997. №8; С.29.

³⁷ Холмогоров Е. Социализм и русскость // Консерватор. 2003. 4-10 апреля.

³⁸ Единственное, кажется, исключение — окончивший свои дни в ГДР Эрнст Никиш.

Религиозные смыслы консервативной революции

Вопрос о религиозной установке постсоветского течения кажется ясным: перед нами православный фундаментализм. Однако это опять тот случай, когда определяющий термин лишь в малой степени проясняет суть. Конечно, эсхатологическая паника (повторим этот точный булгаковский диагноз) – явление далеко не новое. Но в прошлом оно бывало лишь умонастроением, гипертрофированным перевесом одной из составляющих христианского мироощущения. Другие его составляющие в принципе также не отрицались, и потому, рассуждая как о самом этом умонастроении, так и о его социально-политических следствиях, можно было применять традиционные общехристианские критерии.

Кажется, может ли быть иначе? Но вот что мы читаем в манифесте «новых правых». «Россия утратила веру в одну из доминирующих мировых эсхатологий и не приобрела другой взамен <...> Можно выделить четыре основные эсхатологии, основные идеи конца времён, доминирование которых задаёт совершенно различные ориентиры и цивилизационные доминанты <...> Любая версия эсхатологии может иметь как множество религиозных интерпретаций, так и их секуляризованные, вульгаризованные, лишенные сакрального элемента варианты».³⁹ Под манифестом – семь подписей известных публицистов; списать их рассуждения лишь на религиозную безграмотность нельзя. По-видимому, авторы сказали то, что и хотели сказать: религия для них – производное от эсхатологии. В частности, христианская вера – одна из правильных, не вульгаризованных *интерпретаций* истинной эсхатологии. Православный фундаментализм? Или в такой ситуации правильнее говорить, по существу вслед за авторами, о выработке принципиально нового эсхатологически-идеологического религиеподобного мировоззрения?

Но в настоящем обзоре нас интересует, в основном, проекция мировоззрения на социально-политическую плоскость: может быть, в этой проекции православный фундаментализм и неоесхатологизм совпадают, и тогда о религиозных нюансах можно и не задумываться? Вот как пишут, способствуя ответу на наш вопрос, «новые правые». «В масштабах большой истории шуршание должно потеряться за шумом русского леса, журчанием русской воды, рёвом русских медведей, грохотом русских танков и пением русских монахов».⁴⁰ Перед нами *шоки-*

³⁹ Доклад Института национальной стратегии «Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации» // Стратегический журнал. 2006. №2.

⁴⁰ Холмогоров Е. <www.lentacom.ru/obs/comments/9252.html>.

рующе-сознательно выстроенный ряд: вера должна знать своё место среди иных упомянутых атрибутов национально-государственно-природного бытия.

Хорошо. Пусть фундаментализм, пусть этатизм: других-то терминов для всего этого у нас всё равно нет. Но проникают в рассматриваемую идеологию и ещё более далёкие от христианства, а также прямо враждебные ему построения и идеи. Их рассмотрение нам опять удобно начать с обращения к явлениям прошлого века.

В чём религиозное содержание консервативной революции 1920-х? У истоков этого явления стоит философия Ницше – мыслителя, принадлежность которого христианской традиции давно стала общим местом.⁴¹ Могли ли младоконсерваторы оказаться полностью вне этой традиции? – исследователи отвечают на вопрос отрицательно.^{42 43} Конечно, всё это не лежит на поверхности: никаких совместных «религиозных манифестов» у тех консерваторов быть не могло. Правда, политических манифестов не было тоже; но если общественные платформы в какой-то степени поддаются упрощающему «усреднению», то с религиозными взглядами дело обстоит более деликатно. Но при всех условиях можно утверждать, что именно ценности *христианской* культуры – на них консерваторы базировались и их развивали – легли непреодолимой чертой между консервативными революционерами и подлинной – гитлеровской – революцией.

Здесь уместно напомнить, что мировоззрение Третьего рейха – весьма изощрённая, многослойная система. При этом наиболее известный миру – антисемитский и антиславянский – слой как раз не принадлежал к глубинным: он был следствием их. Так, в «Мифе XX века» - книге, рассчитанной ещё не на «посвящённых», но уже не на человека с улицы – основным противником объявлялась не «еврейская плутократия»: злейшим врагом оказывалось христианство, причём в церковном – католическом – его варианте. И в этом пункте нацизм уже на стадии своего зарождения сомкнулся *ещё с одним* изводом консервативной революции. Точнее говоря, этим изводом он был, в глубинной своей части, сформирован и создан. Мы говорим о «космической революции»; представление о ней дают характерные её тексты.

«Доктрина золотого века составляет часть доктрины о четырёх веках, которая говорит нам о прогрессирующей духовной инволюции, протекающей в ходе истории, начиная с самых древнейших времён. После золотого века следует серебряный, соответствующий жреческому типу духовности, более женственному, нежели мужественному <...> Потом одичавшая и материализованная мужественность поднимается против этой формы духовности, и это составляет архетип

---

⁴¹ Сошлёмся всё же для полноты на книгу столь религиозно-беспристрастного исследователя как Карл Ясперс: «Ницше и христианство» (М., 1994).

⁴² Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу.

⁴³ Михайлов А. Философия проселка // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

бронзового века. Восставшим воинам свойственны отказ от жреческих принципов, гордыня, насилие, воинственность. Миф, соответствующий этому периоду, - люциферическое восстание, прометеическое стремление узурпировать олимпийский огонь. Это – эра титанов, эра Волка, эра «существ стихий» <...> Последний век – это век железный, или, в терминах индуистской традиции, тёмный век. Появляется десакрализованная цивилизация, знающая и прославляющая только земное и человеческое. В противовес такой форме упадка возникает идея цикла возможной реставрации, который Гесиод называет «циклом героев», или «веком героев». По Гесиоду, поколение героев порождено Зевсом как возможность дать жизнь новому золотому веку. Но чтобы реализовать эту возможность, необходимо преодолеть и «лунную», жреческую духовность, и статус простого воина и титана <...> Прежде всего: испытание и подтверждение мужеской квалификации – но в такой форме, чтобы не была парализована способность открыть себя для трансцендентной силы, лишь благодаря которой огонь и может превратиться в свет и освободиться ...»⁴⁴

Пафос такого «преодоления», борьбы с «десакрализованной» христианской цивилизацией и стал духовной основой нацизма. В подобных сказочно-бредовых текстах обозначена цельная картина Космоса. Череда гигантских, безлично сменяющихся друг друга космически-исторических циклов... Первая цивилизация, славная и великая, но в итоге многотысячелетней деградации перешедшая к жалкому, гуманному иудео-христианскому состоянию... Избранные, которым надлежит стать человекобогами, вступить с неумершим, но спящим в гималайских пещерах прошлым в мистический контакт и пробудить его...

Всё это было весьма серьёзно. На этих идеях воспитывались и будущая духовная элита Рейха, и будущие его вожди. «Космическая революция» определила многие политические и военные решения Рейха – в том числе и самые зловещие из них.⁴⁵ Лидеры «космической революции» до конца войны поддерживали тесные контакты как с вождями Рейха, так и с самыми зловещими его организациями. Так, Юлиус Эвола, в конце 1930-х читавший по поручению Гимmlера лекции для элиты СС, и в конце войны выполнял интеллектуальные поручения этой ор-

---

⁴⁴ Эвола Ю. Мистерия Грааля // Милый Ангел. 1991. Т.1. С.33.

⁴⁵ В рамках рациональной логики невозможно объяснить ни геноцид цыган (мысль о них как об экономических или политических конкурентах немцев вряд ли могла придти кому-нибудь в голову), ни «окончательное решение еврейского вопроса» — *уже накануне гибели Рейха*. Однако вне этих рамок объяснение напрашивается: многие данные говорят в пользу гипотезы о ритуальных человеческих жертвоприношениях – их требовали «Высшие Неизвестные», и жертвоприношения должны были – *тем более* накануне окончательного поражения – изменить итог войны. Эти данные собраны в книге Жака Бержье и Луи Повеля «Утро магов» (М., 1991) — книге, рассчитанной на сенсацию, однако содержащей, среди прочего, множество легко проверяемых ссылок на заслуживающие доверия источники.

ганизации; присутствовал он и при последней «исторической» встрече фюрера и дуче⁴⁶...

Короче: мы имеем дело с неоязыческим, воинствующе-антихристианским феноменом. Иногда, правда, он инкорпорирует в себя христианство на правах одной из эманаций вечной эзотерической Традиции. Впрочем, «космические революционеры» неизменно ставят выше христианства «замыкающую исламскую Традицию, которая в конце цикла должна подвести итог и выразить суть предшествующих традиций»⁴⁷.

Всё это имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. *Именно в такой версии* консервативная революция в начале 1990-х проникла – через многочисленные издания, книги и статьи А. Дугина – в Россию. Это уже не Шпенглер с Юнгером – здесь всё ясно, и вопросов нет. Но *и эту* «революцию» инкорпорирует в свою идеологию «православная правая». На Юлиуса Эволу, Рене Генона, Клаудио Мутти наши публицисты невозмутимо ссылаются как на своих предшественников. В своих статьях они отдают должное многолетней просветительской деятельности Дугина, и сегодняшняя их смычка с «отцом русской космической революции» носит не только политический, но и идейный характер. «Дугин шире немецкой консервативной революции»⁴⁸, — с почтением по отношению к основоположнику пишут они; с этим, учитывая всё вышеизложенное, невозможно не согласиться.

С чем же всё-таки мы имеем дело? С безответственной эклектикой, в которой никакое «православие» не является, безусловно, доминирующей компонентой? Или же какая-то доминанта у этого мировоззрения всё-таки есть? Отложим ответ до рассмотрения всей полноты материала. И перейдём к нашей очередной – на сей раз «исламской» - теме.

Эта тема разрабатывается неоконсерваторами тщательно и детально. Речь идёт не о научной, а о публицистической разработке – в которой, по самому жанру, какие-то вещи, сообразно взглядам и концепции авторов, акцентируются, другие же убираются в тень. Посмотрим: что куда.

«Ислам, который мы потеряли», - озаглавлена статья М.Брусиловского.⁴⁹ Рефрен: противопоставление мудрого «корректного приручения» ислама Российской Империей бездарной политике нынешней России. Что вынесено за скобки? Вынесена деталь: говоря об иной России, хорошо бы помнить об инаковости и нынешнего исламизма. Путин не Николай I, но ведь и Басаев – не Шамиль: разные понятия наших противников о чести диктуют и их разный договорной потенци-

⁴⁶ Быстров В. Юлиус Эвола. Топограф темного века // Эвола Ю. Оседать тигра. СПб., 2005. С.472.

⁴⁷ Байе Ф. Традиционалист и политик. Интервью с Филиппом Байе // Милый Ангел. 1991. Т.1. С.91-94.

⁴⁸ Холмогоров Е. <news.fozi.ru/news/blog/268661.html>.

⁴⁹ Брусиловский М. Ислам, который мы потеряли // Стратегический журнал. 2006. №2.

ал. Ещё один публицист, В. Нифонтов, в цикле статей⁵⁰ разрабатывает тему европеизации Турции; обобщающая подмена состоит в том, что он называет её европеизацией *ислама*. Что за скобками? Опять деталь: доминанта турецкой политики, начиная, самое позднее, с эмира Орхана, - не ислам, а пантюркизм; сегодня последний легко трансформируется в простые соображения государственной выгоды. Быть же «Европой» Турции выгодно – отсюда и перспектива Евросоюза на её горизонте. Но попробуем применить такие рассуждения к Ирану – он ведь тоже (а точнее, в отличие от Турции) исламская страна... Все бросающиеся в глаза недоговорённости и натяжки оказываются, таким образом, «в пользу ислама».

Но как же быть с не поддающейся адаптации версией его? «Моментом истины» в этом вопросе является сегодня Иран; и наши авторы этот факт вниманием не обходят. Так, в «Смерти Последнего человека» (напомним о программном характере этого эссе) главному персонажу противостоит «молодой иранец с раскалённой чёрной бородой и визитной карточкой настоящего президента. Он сказал Последнему <...> я готов здесь и сейчас умереть за Веру! Ты ничему не научишь меня, о Последний человек!»

Итак, ислам хорош, во-первых, своей цивилизованностью, европеизируемостью и политкорректностью (тех, кто сочтёт такое изложение позиции «новых правых» преувеличением, отсылаем к⁵¹). Во-вторых, фанатичным противостоянием «желающему научить» Западу, ежеминутной готовностью умереть. Нас интересует не то, укладывается ли всё это в здравую логику: внутренне цельная идеологическая доктрина далеко не всегда логична. Но как это укладывается именно в *идеологию*, основой которой провозглашается суперправославный подход? Ссылка на формулу «враг моего врага...» представляется объяснением недостаточным. Достаточное же содержится, на наш взгляд, в⁵². Согласно этой статье, проект «всеобщей православизации», ««упразднения мирского» - принципиально внехристианский: он скорее соответствует какому-то всеобъемлющему имамату, где законы шариата, государственно обязательные для всех, и впрямь не оставляют места для мирского <...> «Упразднение мирского» есть *симметричный ответ исламу*, а у христианства на исламский вызов могут быть только асимметричные ответы». Речь в статье идёт о двух факторах сближения-противопоставления: как о ментальной близости православизма⁵³ к исламу, так и о конкурентном отношении к нему. Уже само название «политическое Православие» подчёркнуто полемично: слуху привычно лишь общеупотребимое сочетание «политический Ислам»? – нет, и мы не хуже! Таково же отношение «новых пра-

⁵⁰ Нифонтов В. Янычары всечеловечества // Стратегический журнал. 2005. №1; Нифонтов В. Тихий зеленый мир: глобальные перспективы евроислама // Стратегический журнал. 2006. №2.

⁵¹ Нифонтов В. Тихий зеленый мир: глобальные перспективы евроислама // Стратегический журнал. 2006. №2.

⁵² Роднянская И. Новое ослепление // Посев. 2006. №1.

⁵³ Термин С.Н.Булгакова. См.: Булгаков С. Письмо А.В.Ставровскому // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

вых» и к... Билли Грэму, его имя встречается в сборнике «Политическое Православие» не реже имён Буша-младшего или Фукуямы. Антипатию у авторов статей вызывает не столько стадионная пропаганда, сколько её успех: «Мы тоже можем так!» — таков рефрен и смысл многочисленных рецептов *симметричного* «православного» ответа. Речь идёт, таким образом, о грядущей победе, о грядущем успехе с точки зрения неких *внешних* – по отношению к православию, исламу, Западу, неопротестантизму – критериев. В чём же они состоят? Что всё-таки для «новых правых» является доминантой?

Политическое православие или воля к власти?

Все вопросы о критериях и доминанте упираются в один основной. «Новая правая» являет миру два лика: она «политическое православие», она же и «консервативное революционерство». Можно ли осмыслить эту причудливую двойственность? Можно ли являемые первофеномены иерархически упорядочить?

«Правого стиля «экстремизм» является внутренней возможностью, изнаночной стороной «господского цинизма» и представляет собой не что иное, как философию абсолютного действия на вооружении у не-господских, а, допустим, только стремящихся к господству слоёв: на вооружении социально обездоленной контрэлиты»⁵⁴. Рассуждения о социально обездоленной контрэлите встречаются в творениях неоконсерваторов нередко. Это вовсе не проявление каких-либо карьерных амбиций: амбиции просто скрывались бы. Если же перед нами принципиальное мировоззренческое положение – вопрос иной: идеолог по определению не может «конспирировать» свою идеологию.

М. Ремизов и не конспирирует. «Глубокая симметрия и потаённое родство между позициями «властителя» и «революционера», разумеется, не составляют секрета. «Господский цинизм» первого и «экстремизм» второго с равным успехом постигают, что за всем <...> скрыты властные и силовые диспозиции <...> Решимость приветствовать в революционном разрушении возможность нового созидания хорошо знакома многим отнюдь не прогрессистски настроенным мыслителям <...> проповедуемый Ницше и подхватываемый де Бенуа «активный нигилизм» - в гораздо меньшей степени шальная воля к разрушению мира (тем более, если тот уже разрушен), чем отчаянная воля к его *созданию из ничего*. «Мужество установления новой объективности, исходя из субъективности, которая знает себя как таковую»⁵⁵.

⁵⁴ Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. №5-6.

⁵⁵ Там же.

Апелляции к авторитету Фридриха Ницше попадаются в правой российской публицистике всё чаще. Речь, как правило, идёт об одной-единственной книге: «Воле к власти». Строго говоря, произведением Ницше этот труд не является.

Наследие заболевшего философа, попавшее в руки его сестры, тотчас сделалось объектом цензурирования и фальсификаций.⁵⁶ Вначале, в 1891 году, Э. Фёрстер-Ницше препятствует публикации четвёртой части «Заратустры», из-за антицерковной главы «Праздник осла». Вскоре, однако, ориентирующаяся на вкусы благонамеренного бюргера наследница находит новый ориентир: заметки мыслителя, относящиеся к 1880-м годам, превратились в протофашистскую компиляцию под названием «Воля к власти». Речь шла, по существу, о чистой фальшивке, и это не прошло незамеченным. О том, «в чьих руках оказалось наследие Ницше», предупредил мир Рудольф Штейнер (долго проработавший в т.н. «Архиве Ницше» и отказавшийся стать редактором фальсифицируемых материалов), демонстративно ушёл из Архива, прервав свою работу над изданием собрания сочинений, его первый редактор Фриц Кёгель. Дело, однако, шло: протесты мало кто слышал. А общественный заказ на имевший мало общего с оригиналом образ, получивший в истории название «философия Ницше», был повсеместен. Дальше были сексуальные сверхчеловеки, горьковские босяки, Ницше как идеолог фашизма – весь хорошо известный читателю и нечитателю мыслителя набор. Любопытно заметить, что о принятии наследия Ницше *в целом* в Рейхе не было и речи, более того – первый, «дионисийский» период творчества философа А. Розенберг заклеил как «неарийский». Но «Воля к власти» пришлась кстати: содержащиеся в ней абстрактно-волюнтаристские тирады, «смахивание со стола, - как пишут сегодня наши неоконсерваторы, - вместе с ворохом пожелтевших архивных бумаг идеи исторической объективности»⁵⁷ — всё это вписывалось в воздух эпохи, а во многом и определяло его.

Сегодня мифология «Воли ...» интенсивно возрождается в России. Иногда на уровне Ремизова. Иногда – на ином. «Вопрос решается неожиданно просто: Империя – это государство, построенное в соответствии с «Волей к власти» Фридриха Ницше».⁵⁸ Это ещё из одного периодического издания «новых правых». Что ж, когда учение переходит на уровень «человек произошёл от обезьяны» - значит, оно усвоено уже основательно.

Возможно ли на основе декларируемого субъективизма, подчёркнутой атомизации понятий построить хотя бы прочную государственность? «Жизнь не смогла бы выдержать и мгновения в этой крепкой и чистой, но одновременно смертоносной атмосфере пананархического пространства, не погрузившись тут же в бурные воды приливов и отливов, как носительница особой воли к власти, пре-

⁵⁶ Здесь и далее изложение этой темы, в основном, по предисловию и комментариям К. Свасьяна к двухтомнику: Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. Т.2. М., 1998.

⁵⁷ Ремизов М. Опыты типологии консерватизма.

⁵⁸ Борцов А. К вопросу об Империи // Спецназ России. 2006. №7.

следующей собственные цели».⁵⁹ Псевдоэтатизм оказывается, таким образом, лишь маской пананархизма, лишь эффектным и эффективным разрушительством. Это не препятствует, правда, построениям на месте разрушенного. Но проводятся они уже не по Ницше.

Такова в действительности расстановка приоритетов «новых правых». Вывести из политправославия воинствующий волюнтаристский субъективизм нельзя, самая изошрённая фантазия этого не позволит. А вот обратное логическое рассуждение очевидно. Перед лицом мистической Воли (равно, впрочем, и примитивного этатизма) едины космическая революция, православие, ислам... Все они – Силы (все они, если перейти на простой, этатистский уровень, могут быть оплотом мощной государственности). А почему в условиях сегодняшней России Воля диктует именно православный выбор – этого объяснить, видимо, не требуется.

Мы ещё раз хотим напомнить, что не ставили перед собой неразрешимой задачи – охватить заявленную огромную тему в журнальной статье. Мы хотели лишь обозначить её и показать насущную необходимость её детального изучения.

---

⁵⁹ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. С.131.